

“Человек настоящий - итоги тысячелетия.”

Семинар LT102 - 03.03.2022 г.

https://www.youtube.com/live/8FxRQ2hTCPg?si=phAETOEW8_gykgCf

1:26:58

[Говорящий 3]

Какой сегодня по счету у нас семинар?

[Говорящий 5]

102-й.

[Говорящий 3]

102-й, отлично, весомые цифры.

[Говорящий 1]

Ну что же, давайте начнем 102-й семинар из серии «Живой разговор». И сегодня речь пойдет о человеке, о понятии человека и о ценности человека, и о нас самих, о людях, о человеках и о том, как мы себе это представляем, как можем представлять, как это преломилось в нашей истории. Готовясь к сегодняшнему семинару, я получил вопрос, если я правильно вспомню этот вопрос, от Елены.

Сильно ли отличаются между собой итоги первого и второго тысячелетий нашей эры? И я думаю, что с этого вопроса можно как раз начать, потому что это действительно такой очень важный вопрос, который можно поставить перед собой. Что такое первое тысячелетие после Рождества Христова?

Первое тысячелетие – это масштабное, всеобщее развертывание христианства в Вайкумене. Это не только Европа, это и Северная Африка, это и Ближний и даже Средний Восток отчасти. Это и пространство Северо-Восточной Европы, то есть Киевской Руси, Новгородской Руси, Московской Руси, хотя это было позже, конечно, но тем не менее.

И вот это тысячелетие ознаменовалось не просто масштабным развертыванием христианства, но и углубленным его развитием. Христианство развивается первое тысячелетие, напомним вам, что это эпоха великих соборов, великих христианских мыслителей, богословов, ученых, учителей, золотой век монашеской письменности, золотой век богословской письменности. И всё это для нас с вами завершается веком Крещения Руси.

То есть именно конец первого тысячелетия для нас – это начало христианской эпохи на территориях, на которых находится сегодня Украина, Россия, Белоруссия, Финляндия. Это всё вот как раз конец первого тысячелетия. То есть если так подытожить, можно было бы сказать, что первое тысячелетие – это победоносное расширение христианства.

Это важно сказать не только о территориях и народах, которые включились в христианскую экумену, а это и развитие, углубленное развитие богословия. Конечно, вот эти процессы, о которых я сейчас говорю, они не укладываются ровно в тысячу лет, так никогда не бывает в истории. Принято считать, что пиковым развитием христианской мысли стал век XV.

И, собственно говоря, на этом завершается вот это первое тысячелетие, святоотеческое развитие завершается святым Григорием Паламой на востоке и Фомой-Яквинским на западе. Конечно, это тысячелетие первое знаменовано расколом на восток и запад, на католиков и православных, но это потом стали называть. Поначалу это было всё-таки раскол между Византией и Римом.

Молодая киевская церковь тогда и в этом участии ещё не принимала в расколе, но потом включилась в него и вместе с греками заняла, естественно, восточно-православную сторону. Но сам по себе раскол не касался наших княжеств тогда, которые тогда были крещены, но после сказался. И вопрос о человеке, который мы сегодня рассматриваем, он тоже был на подъёме.

То есть первое тысячелетие – это такое царственное утверждение христианства, в умах, в городах, уже в университетах. Если первый университет, можно сказать, это восьмой век первого тысячелетия, то, конечно, основное развитие университета в Европе – это второе тысячелетие. Просто множится, но начало всё-таки первого.

Бурное развитие монастырей, которые стали центрами для всей Восточной Европы от Балкан до Сибири, центрами богословской мысли и монашеского делания, монашеской письменности, что для нас, конечно, очень важно. И везде в этих системах человек откликался на богословскую тематику. И богословие откликалось на антропологическую тематику, но мало.

Первое тысячелетие практически не знает такого взлёта антропологической мысли, которую мы уже застаём во втором тысячелетии. Так что, переходя к нашей главной теме, тысячелетия от нас считают, тысячелетия развития учения человека – это, конечно, именно принадлежность второго тысячелетия. То есть, если первое тысячелетие – это развитие христианской мысли и самого христианства расширенное, то второе тысячелетие – это, конечно, развитие гуманизма христианского, христоцентричного гуманизма сначала, всё-таки это Фома Аквинский и Григорий Палама, Николай Кавасила и другие, и развитие учения о церкви, учения о человеке.

Так что, второе тысячелетие, конечно же, это больше, опять не сказать, что человек оказался в центре человеческой мысли, христианской мысли во втором тысячелетии. Но это начинается. Второе тысячелетие начиналось, это были зачатки антропологической мысли.

Человек постепенно оказывался, если сказать не на периферии, но и не в центре богословской мысли, но, по крайней мере, постепенно мысли о нём всё-таки начинали проявляться. Разумеется, что начало такого мощного внимания на человека положила эпоха Возрождения, то есть с самого начала XIV-XV века. Эпоха Возрождения, которая начинается с поиска альтернативы схоластики.

В центре схоластики стояла теодицея, то есть доказательство бытия Божьего, а вовсе не антропология. Так вот, гуманизм был разворотом от теодицеи, то есть учения о Боге, к антропологии, учения о человеке, но это только начало разворота. Гуманистическая эпоха возвращается, вернее, после античности, возвращается к идее человека на совершенно новых христианских основаниях.

И что мы должны зафиксировать первое? Первая половина нашего тысячелетия, если так можно сказать, еще нашего, хотя мы уже живем в третьем тысячелетии от рождения и престола, но все-таки мы еще дети последнего века, XXI тысячелетия. Первая половина этого тысячелетия не противоречила в основном христианскому, христианской антропологии.

И гуманизм, гуманистические ценности были естественным образом вписаны в христианскую доктрину и развивались внутри нее. Кого бы мы не посмотрели из мыслителей Возрождения, Леонардо или других философов, это все-таки еще в рамках христианской доктрины. И Декарт, и Юм, и даже уже философы XVIII-XIX века, и Кант, и Гегель, даже Гегель, вот мы уже говорим о немецкой философии, близкой к нам эпохе, но, конечно же, это еще христианская ложа, христианское русло.

То есть развитие антропологии продолжалось внутри христианской мысли, и гуманизм поначалу не противоречил христианству. Не противоречил, а наоборот развивался вместе и внутри. Но постепенно расходились пути гуманизма и христианства.

Но вовсе не потому, что в этом движении была заложена какая-то важная корневая причина, по которой они должны были разойтись, обязаны были разойтись. Нет. Можно сказать, что те направления мысли, которые волновали людей, прежде всего то, что произошло в западной мысли, раскол на богословие католическое и протестантское, здесь был очень мощный антиклирикальный посыл, но он не касался доктрины.

Это был протестантский посыл, был вовсе не атеистический, он был теистический, потому что протестантская мысль и до сегодня глубоко христианская по своей сути, но уже начиная, буквально начиная с 15 века в гуманизме, в европейском гуманизме появилась очень мощная сначала антицерковная, то есть антиклирикальная нота, а затем и антихристианская. Она началась вроде как бы внешняя такая критическая нота, именно антицерковная, но в конце концов она увенчалась уже в 19 веке окончательно, а начало конечно это 18 век, французское просвещение в главную вложило в эту долю, французское просвещение, когда учение человеку становится не христианским, а оно становится антихристианским, то есть как бы вопреки. Происходило это по множеству самых разных идеологических и философских причин, я не буду рассказывать как бы всю эту историю философии, для меня как для антрополога важно прежде всего понять вот эти основные интенции.

Представления о человеке менялись, исходя из задач, которые понимались как задачи протеста. Для того чтобы освободить человека от схоластики и от подавления, как им казалось, церковных институтов, для того чтобы освободить человека человеческую мысль пытлившую, уже к тому времени достаточно серьезно инструментализированную, потому что уже в это время европейскому мыслителю уже была хорошо знакома математика и физика, и астрология и астрономия, и начатки химии, и все это приносило огромную пользу в жизни, меняло жизнь людей реально.

Конечно же это воспринималось как прогресс, и понимание его связано было с отходом от христианской мысли. И неважно, что какая-то часть гуманистов 16-18 века и даже 18-19 века оставались по сути своих христианами, но основной тренд был воспринят именно как антихристианство. И так и закрепилось, что гуманизм воспринимается и

до сих пор как отход от христианства, хотя это и не было его родимым знаком.

Скажем, гуманизм Григория Паламы и Николая Кавасилы, это был тоже гуманизм, но он был совершенно другого рода, он был совершенно естественен всему светоотеческому корпусу, и в то же время он был гуманизмом, причем гуманизмом естественного византийского уклада. Это был именно естественный человеческий и, я бы даже сказал, монашеский гуманизм, но он для нас и до сих пор является таким флагманом, очень важным, значимым предметом, указателем, вершиной. Паламитский синтез – это действительно некая вершина с одной стороны, с другой стороны, некая важная очень залога развития антропологии, потому что невозможно понять Паламу, если мы не сможем понять и всей христианской антропологии.

Палама был сыном своей эпохи, то есть Византии, с ее утонченнейшим искусством, с утонченнейшей эстетикой, наукой, философией и, прежде всего, поэтикой. Византии без поэтики невозможно. Это мы можем еще читать у Сергея Сергеевича Аверинцева.

Его начало, чтобы понять, что такое византийская культура, без поэтики невозможно, без слова, без гимнов, без философских гимнов XI век Симеон Григорий Богослов, а уже XIV век Григорий Палама с его гимнами, с его триадами в защиту священно-безмолвствующих. Мы просто не поймем византийскую культуру, если мы не будем это учить. Утонченнейшая эстетика.

И, конечно, эта эстетика не могла не апеллировать к человеку, который был и автором этой эстетики, и слушателем этой эстетики, носителем ее. Он был ее рецепентом, он в этой эстетике варился, воспитывался и развивался. И это оказало грандиозное влияние на всю Русь.

Напомню вам, что в этот момент, как раз в эти годы, это Андрей Рублев с его троицей. И если мы говорим о происхождении этого высочайшего, утонченнейшего искусства русского иконописания, это же не только один Рублев, это и Даниил Черный, и Феофан Грек, и многие другие, которых имена мы знаем и не знаем. Но это все тот же самый век, XIV век, это излет паламитского синтеза, как у нас сейчас принято говорить.

Это высочайшая точка, и она очень важна. Кстати, вот в фильме Андрея Рублева там не все можно принимать и соответствовать, но вот это утонченное ощущение эстетики Рублева, утонченное ощущение человека, там есть три фигуры в этом фильме, которые очень важны для понимания

антропологии Тарковского. Это сам Андрей Рублев, это мальчик, который отливают колокола, и там еще Алина Родива.

Это все люди, которые дивились красоте мира. Они смотрели и дивились. И там другие антиподы, которые этого не видят и не понимают.

Так что это очень важно понимать, что это был гуманизм другого совершенно склада. Но он рухнул, он рухнул политически, он рухнул социально, и он практически не оставил преемников. Лишь только через какое-то время преемниками на Руси у Андрея Рублева и Феофана Грета как минимум на несколько столетий не было.

Русь погрузилась в последствия монгольского владычества в разных княжествах, в разных междоусобицах. Очень много чего сгорело, очень много что было разбито. Города полегли.

Эта эпоха XII, XIII, XIV веков для Руси была очень страшной, когда и князья, и ордынцы разоряли города и монастыри. То есть там, где как раз культура-то и жила. И это, конечно же, очень сильно повлияло на последующие.

И то, что в самом конце XIX века мы стали прозревать и увидели благодаря нашему императору и его братьям русскую икону, мы обнаружили вот эту потрясающую эстетику XIV века, XIV-XV веков. Потому что Троица Рублёва – это приблизительно 1421-28 год, год освящения Троицкого собора, Троица Сергеева. Но около того.

Там многие иконы есть раньше фрески, скажем, северные, они раньше фрески, а что-то позже. То есть вот эта эпоха открылась высоты духа, высоты эстетики, высоты духа. Возвращаемся к нашей главной теме.

Так что же такое человек в нашем последнем тысячелетии? С одной стороны, это необычайный взлёт антропологии благодаря возрождению, благодаря гуманизму, который надолго поселяется в Европе, он достигает и России в какой-то степени, приходит на Россию, и здесь тоже развивается, но в основном уже позже, вторая половина XIX века. А можно сказать и первая половина, потому что Чадаев, потому что Пушкин, потому что Гоголь – это всё-таки мыслители, и Карамзин, и Виссарем Билинский, и всё то, что уже во II веке, включая и Достоевского, и Толстого – это же, конечно, внимание к человеку.

Ну и, конечно, век XX, который стал в значительной степени необыкновенным богатством. Серебряный век взлётом русской мысли,

православной мысли, и весь XX век ознаменован необыкновенными антропологическими, философскими, богословскими вершинами, открытиями, просто жемчужинами. Что же такое человек с точки зрения вот этого всего тысячелетия?

Главный наш вопрос сегодня. Мы должны утверждать две противоположные вещи. Первое.

Второе тысячелетие пришло к полному краху идеи человека, фактическому краху, социальному краху.

[Говорящий 2]

К концу XX века, то, что продолжается и с I века, человек перестал быть ценностью.

[Говорящий 3]

На его место люди водрузили ценность социума, и мы переживаем сегодня пик социального, социалистического преимущества.

[Говорящий 1]

Сегодня социум – это ценность более высокая, чем человек. Это противоречие философское, антропологическое, но сегодня это так. Но путь к этому был довольно длинный.

Начиная с XVII века, начинался путь тоже в лоне, так сказать, гуманизма, и постепенно перешел он в свою стадию подавления человека. Французская революция была первым взрывом, первым атомным взрывом подавления человеческого. Французская революция, провозглашенная ради человека, равенства, братства и справедливости, на самом деле была торжеством социального преимущества, социальной власти над человеком.

То есть ценность социума отныне была важнее, чем человек, чем его жизнь и так далее. Разумеется, оппоненты мне скажут, ну извините, насколько был жесток Средневековье, людей терзали, рубили, кололи и расстреливали, и взрывали сотнями тысячами и десятками, и сотнями тысяч. Да, это все верно.

Но никогда человечество не воспринимало, до французской революции, не воспринимало это как учение, как философскую основу жизни и как социальный порядок. Начиная с французской революции социальный порядок оправдывает и благословляет убийство человека, который мешают правильному порядку социума, нарушает установленные правила и не желает, не соглашается с идеями. Такое бывало и раньше.

Разумеется, это не первая весточка. Мы знаем жестокость Османской империи, мы знаем жестокость самой Византии, мы знаем жестокие крестовые походы и так далее. Да, все это есть, все это было.

Но там были другие идеи. Гуманизм XVIII века, именно гуманизм XVIII века ради человека, вроде бы ради человека, объявляет человека всего лишь единицей, которая может подлежать уничтожению. И это оправдывается, и это становится социальной технологией.

Именно начиная с французской революции социальная технология подавления и уничтожения человека. Уничтожение было, а идеи нет. И в конце концов это доходит до фашизма XX века.

Фашизм как открытая политическая идеологическая система подавления человека, подавления личности перед лицом социального объединения, социальных сил. То есть люди объединяются друг с другом, становится смысл фашина. Римская фашина это пучок из прутьев.

Если прутик легко сломается, то фашину, то есть связанные прутьики вместе, их сломать нельзя. Так вот, это идея фашизма, что если мы соберемся вместе, нас не победит. И это, конечно, правда.

Один человек, он очень слаб, а социальная община построена по любому основанию. Но сплоченная социальная община, она очень сильна, намного сильнее, чем человек. И вот эта, собственно говоря, идея, которая начиналась красиво с равенства братства и справедливости, французская революция, она становится доминирующей к нашему времени.

И до сих пор в наше время эта идея, идея превосходства социума над человеком. Значит, первая тенденция, о которой мы обязаны сказать, что тысячелетие, вот это второе христианское тысячелетие, с точки зрения человека, приходит к полному краху идеи человека. Для человечества, именно в его христианской половине, ну не половине, наверное третьей, треть человечества на сегодня, она христианская.

Вот именно для этой третьей человечества фиаско идеи человека. А когда же это было не фиаско, когда человек находился на вершине и в центре? Так вот, оказывается, многим показалось, двадцатым вековым мыслителям, это и Хайдеггер, и Фуко, и многие другие мыслители, которые считали, что центральной вершиной человека является античность.

Но эта идея еще возникла в эпоху Возрождения. Конечно же эпоха Возрождения тоже провозглашала человечность и человека. Отсюда и вся красота Возрождения.

И Микеланджело, и Рафаэль, и Леонардо, и Данте, и все великие художники Возрождения, они про это, они про человека. Но само по себе Возрождение было сопряжено и с теми же самыми войнами, и с жестокостями. Та же самая Флоренция, гнездо Возрождения знала уничтожение, жестокое подавление инакомыслящих.

Так что это было. Да, это были единицы, но тем не менее это было. И все-таки, если мы говорим, а где же была вершина человечности?

Оказывается, средневековье было в каких-то аспектах, где человек был нарушен. По крайней мере, в философии, в эстетике в целом, в какой-то степени даже и в науке. А вот в 20 веке это противоречие становится радикальным.

И с этим связана вторая тенденция. Первая тенденция, я сказал, это фиаско человеческой идеи. А с другой стороны, все второе тысячелетие, это развитие антропологии медленно-медленно, но по восходящей достигает оно, на мой взгляд, вершины в христианском богословии именно 20 века.

И в первую очередь благодаря русским мыслителям Серебряного века и французским мыслителям, но и немецким тоже, конечно, в какой-то степени. Хайдеггер и Шеллер, Макс Шеллер, и еврейский философ Мартин Бубер. И, конечно, это плеяда всех русских, и Мережковский, и Бердяев, и Лоский, и Булгаков, и Франка, и Флоровский, и Зиньковский, и многие-многие другие.

И вот эти два нисходящие и восходящие потока. С одной стороны, развитие истории, политической истории 19-20 века, это история, как мы сейчас это видим, история все большего и большего отчуждения человека от него самого, отчуждения от культуры, отчуждения от эстетики, отчуждения от смысла, в пользу его животного начала, прежде всего в пользу его социального начала, в пользу технологий и в пользу капитала. Вот эти направления, они как заложены были еще в 17 веке, они продолжались бурно развиваться в 19, ну и, конечно, в 20 веке.

Собственно говоря, почему в 20 веке так победили левые идеи, то есть идеи социализма, идеи человека, но только не человека как антропологической личности, как божественной, а как человека. Потому что это было противодействие тому отчуждению человека от него самого,

без которого человек выжить просто-напросто больше не мог. Необходимо было защищать человека, но защищать собирались его как раз с помощью античеловеческих учений и античеловеческих политических движений.

Собственно говоря, социализм, фашизм, коммунизм был реакцией на отчуждение человека в результате технологического, научного, монетарного, финансового отчуждения человека. То есть человек становился все более и более закован в социальные технологические рамки, в которых он теряет свою свободу. Предельно мы сейчас это видим, вот эта закованность человека в рамки, вот в эти социальные рамки – это два существенных глобальных фактора человеческой несвободы сегодня.

Первое – это информационно-идеологическое, и второе – это цифровое технологическое. И чем дальше, тем больше. Мы видим, что человек оказывается рабом телевизора, рабом газет и журналов в прошлом, рабом интернета, имеется в виду именно информационное с точки зрения смысловой информатики, смысла и идеологии.

То есть вместо принадлежности человека к культуре, в широком смысле слова, человек оказывается глухо связан с идеологемами, с мифами, с информационными различными потоками информационной технологии. То есть выбраться сегодня среднему человеку, выбраться из этих потоков технологий крайне трудно. Мы видим, как сегодня человек гибнет, не понимая, что с ним происходит, потому что его горизонты мысли скованы идеологемами, мифами и информационным давлением, можно сказать информационной агрессией.

Человек сегодня является жертвой информационной агрессии. Но не только информационной с точки зрения новостей, статей, обзоров, нет. Это построены идеологические, мифологические системы.

И сегодня благодаря интернету мы их видим, мы их ощущаем, они наглядно нам ясны. Нам это очень узкому кругу. Большинство людей погружены в эти технологии, не рефлексировав того, что происходит с ними, что с ними происходит, что с ними делает вся вот эта идеологическая машина.

Она сегодня очень мощная в разных вариантах, но она очень мощная и нужны недюжинные способности, чтобы оттуда выбраться. И мало кому это удастся. А с другой стороны, человек погружен в эту самую информационно-технологическую капитализированную систему как пользователь и как раб.

То есть вот через интернет мы покупаем, продаем, получаем пенсию, зарплату. Мы переводим друг другу деньги. Мы связаны телефонами и компьютерами с всемирной вот этой вот самой сетью, с банками, с трудом.

Вот мы с вами общаемся через Zoom, и это тоже часть этой глобальной системы. И мы тоже в нее вписаны. Мы сами вписались.

Нам так нужно, нам так удобно, по-другому мы бы и не могли сейчас с вами встречаться. Поэтому как бы тут ничего не скажешь, но мы часть этой глобальной системы. И, конечно, отчасти мы здесь не свободны.

То есть мы сегодня должны констатировать, что отчуждение человека вот его собственных возможностей жизни достигло необыкновенного развития. И, с одной стороны, это рабство человека, несомненно, для большинства людей. А, с другой стороны, это предмет тревоги и борьбы.

Только вопрос весь, а борьба-то на что будет направлена. С одной стороны, борьба должна быть направлена не на разрушение этой глобальной системы. А, с другой стороны, она должна быть созидательной и она должна быть индивидуальной.

Вот сегодня индивидуализм является жертвой коллективизма, грубо говоря, коллективизма. Сегодня вот это вот системы, технологии информационные могут обрушиться на человека, на личность. Так что он победителем в этом быть не может.

То есть он проигрывает в этом явно. Но я хочу развеять ваше сомнение, что я такой критик глобальной системы человеческого знания и связи. Нет, конечно.

Я хочу сейчас немножко обратиться, что глобальная система, то есть интернет в широком смысле слова, то есть не только, собственно говоря, сеть интернет, а все наши технологии, приложения, которыми мы через интернет пользуемся и которыми мы связываемся, имеют и другую сторону, глубоко гуманитарную, гуманистическую сторону. И тут я должен пропить некоторую оду интернету, но это так попутно, это не главная сегодняшняя цель. Во-первых, мы оказались все связаны в единое пространство, где можем общаться.

Это дар 21 века, он в 20-м начинался, но все-таки максимальное раскрытие этого дара, особенно для нашей страны, произошло именно в 21 веке. Мы оказались лицом к лицу, да, через экран, к сожалению, но по-другому мы вообще бы никогда друг друга не увидели, на любом материке. Мы

никогда не думали, у нас даже не было в мечтаниях, что все мы будем легко общаться, где бы мы ни находились.

То есть отныне расстояние границы стран и даже языковые различия для нас не препятствуют, мы можем общаться с кем угодно. То есть отныне у нас появилась глобальная система общения друг с другом. И то, что произошло, мы еще даже не можем по-настоящему оценить.

Интернет представляет собой гигантскую площадку, на которой образуются группы. Группы, сообщества людей по интересам, по профессиям, по запросам, по мыслям. Садоводы, орнитологи, любители птиц, любители вышивки, любители глиняной какой-нибудь фактуры, Эльвира, приветствую вас.

Или люди, которые просто общаются по поводу экологии, таяния льдов, антарктиды и так далее. По всему миру просто связаны друг с другом, общаются, объединяются, изучают языки, даже работают. Невероятно то, что произошло с человечеством, невероятно.

Мы никогда, культура человечества никогда не обладала таким гигантским инструментом культуры, как общение через интернет. Второе, это общение. Второе, мы оказались ближе друг к другу, как ни странно.

Матери с сыновьями, дочери с отцами, братья и сестры, мужья, жены, невесты, женихи, дети между собой общаются. Во всемирных сообществах общаются так, что мы стали намного, намного ближе друг к другу. И мы общаемся в режиме актуального времени буквально здесь и сейчас.

Мы получаем информацию, мгновенную информацию с любого участка земли, где только есть интернет. Мы видим, что происходит, мы следим буквально через свои гаджеты с тем, что происходит. Мы общаемся и мы близки друг к другу.

И это то, чего у нас никогда нет. Никогда нет. Письма шли дни, недели, часы и даже годы.

В 18 веке, да что там говорить, даже в начале 19 века записки митрополита Тобольского, когда он объезжал свою епархию, она длилась три года. Он не возвращался в свою Тобольскую кафедру, пока не мог объехать всю свою огромную митрополию, почти всю Сибирь Восточную. Находясь сам в Западной Сибири, он думал объехать, а ведь это сменялись сезоны, а он не мог объехать даже все.

А сегодня в режиме реального времени можно разослать письма и можно позвонить актуально через Zoom и связаться всеми одновременно в течение нескольких минут. Вызвать всех к связи. Да, у нас, конечно, есть задержка, но мы можем даже не улыбаться этой задержкой.

Просто мы вспомнили, какая она была. Значит, то, что та глобальная сеть, та технология, которую мы люди построили, она не только закрепощает нас и не только отчуждает нас от культуры, но она и дает нам неисчислимы преимущества. Безусловно, гуманитарные, безусловно, гуманистические, и это тоже человек.

Но вернемся к главной нашей теме. Что же такое человек? Сегодня мы должны констатировать, что мы в растерянности, потому что наши ценности как будто бы рухнули.

Подавление человека, его уничтожение в Первую мировую войну, Вторую мировую войну и сегодня так легко уничтожаются люди, как будто бы это просто-напросто пепел, прах. И мы задаем себе вопрос, неужели это мы, неужели мы наследники Пушкина, Достоевского, мы наследники Шекспира, Гета, Чайковского и Бетховена, это мы? Мы так способны легко уничтожать друг друга?

Этот философский вопрос возник не сегодня, он возник у Макса Шеллера и Мартина Бубера после Первой мировой войны и после Второй мировой войны, когда человечество оказалось в шоке от того, что оно само себе устроило. Вторая мировая война была особенно глобальной, потому что десятки миллионов людей погибали в Китае, в Индокитае, в Индонезии, Австралии, Японии, везде, везде. Это действительно была мировая война, очень страшно, до сих пор подсчеты не завершились, но речь идет о 100 миллионах жертв войны Второй мировой, 100 миллионов.

Так вот, получается, что мы не знаем, что же такое человек, мы говорим, а что такое человек, а что он стоит того, чтобы о нем беспокоиться, его защищать, вообще принимать законы, следить за исполнением законов, наказывать преступников. Стоит или отступить и сказать, ну и ладно, человек всего лишь, напрямую, животное, хомо сапиенс, человек индустриальный, что это всего лишь винтик социальной системы, и ладно, пусть вот система существует, вот это важная ценность, наплевать на человека. Главное, чтобы система стояла, вот есть государственные системы, вот их надо поддерживать всеми силами, а люди это дрова, которые сжигаются в печке, но печь-то, она должна производить державы, она должна поддерживать империи.

Странно звучит сегодня про империи, про империализм? Странно. А между тем, основные империи распались после Первой мировой войны.

Распалась империя турецкая, австро-венгерская, российская империя, но и в значительной степени утратили колонии Англии, Франции, Германии, тоже своего рода морские державы, тоже империи, и они тоже распадались, но распад продолжался и дальше. И после Второй мировой войны, то есть и после Первой, и после Второй мировой войны распался. А с 1991 года распадается и Советский Союз, Российская, Советская империя и продолжает сегодня распадаться, то есть это вот процессы распада, они продолжаются.

И тем не менее идея служения социальным системам, побеждения, то есть ради победы социума, приносится в жертву людям. Причем осознанно учение, философия современная, учение социальной науки, как сейчас принято называть, гуманитарной, смотрите, раньше они назывались гуманитарной науки. Под ним подразумевалась философия, социология, психология, культурология, история и так далее.

А сегодня называют социальной науки. И это неспроста, это тренд сегодняшнего научного знания. Гуманитарные науки ушли в историю.

На место гуманитарных наук стали социальные науки.

[Говорящий 3]

То есть отныне все гуманитарные, человекообразные науки подчинены социальным идеям, теориям.

[Говорящий 1]

И это очевидный совершенно сдвиг. И этот сдвиг, он не только происходит чисто вот в таких организационных, институциональных формах науки, как университеты, кафедры, сообщества, темы, журналы научные и так далее. Нет, он происходит и в умах философов и даже богословов.

Совершенно очевидно, что конец XX века и начало XX-XXI века знаменовался такими мыслителями, которые как раз и развивают именно социальную историю. Даже православное богословие, сейчас очень модное богословие общения так называемое, которое начинается из митрополита пергамского Зиулуса и митрополита епископа Каллиста Уэра и продолжается в нашей сегодняшней русской богословской мысли. Модное сейчас богословие общения, которое становится подменой богословия личности.

Это заметный тренд, это знак. Иными словами, мы должны констатировать потерю, мы потерялись в области учения о человеке, мы потерялись, мы теперь не знаем, кто такой человек. Даже богословы, православные философы, называющие себя христианскими философами, готовы признать, что человек – социальное животное.

Правда, надо сказать, это фраза еще Аристотеля. Это Аристотель сказал, человек – это животное общественное. Он, правда, много по-разному говорил.

Он говорил, человек – это животное прямоходящее, человек – это животное словесное. От него потом взял Тадзутауст и Василий Великий и другие Каппадокийцы взяли эти слова от Аристотеля. Они все были его поклонниками в значительной, в некоторой степени, в большей степени, чем Платон.

Но неважно. Идея-то еще античная. Но сегодня это уже не просто идея, а это научная система, которая подавляет всякое другое научное знание.

Сегодня мы должны говорить о социальном научном терроре, террор инакомыслия, террор против антропологии индивидуальной и персонологической. Сегодня персонология является неким пережитком постмодерна. Так это модно пытаются назвать молодое плеядо философов и богослов.

Как раз социальные науки приветствуются как такой модный тренд, прежде всего американский и западноевропейский. И мы должны констатировать, что да, мы потеряли человека. Мы утратили подлинную человеческую ценность.

Мы не можем сегодня констатировать, что подлинная ценность человека людям известна, люди на нее опираются. И она входит в систему ценностей, на которую строятся идеи социальные, исторические, политические и, наконец, практические ценности. Ну вот простой вопрос.

Еще недавно мир переживал пандемию коронавируса. Она не кончилась, между прочим. Она продолжает косить людей.

Но сегодня как-то забыли в связи с войной об этом говорить. А тем не менее, вот пандемия коронавируса. В каждой стране были объявлены свои ограничительные какие-то меры санитарные.

Я говорю сейчас про Москву. Человек, который не имел в смартфоне приложения социального контроля, то есть слежки, отлучался от необходимых служб, которые он должен был получать или год и все. Но, ко всем прочему, он еще и штрафовался.

Причем на очень большие суммы. Причем без всякого суда и следствия. А потом он должен был как бы доказывать, что это все он обязан выплатить или не обязан.

И тогда это суды пересматривать. Но автоматически, без всякого внимания. То есть человек оказался перед лицом тупой машины.

[Говорящий 2]

Ничего человечества. Никто его не спрашивал, никто ему не объяснял.

[Говорящий 1]

Никто не пытался его защитить. А просто говорит, извини, тебе машина начислила штрафов пять раз по пять тысяч. Вот у тебя штраф 25 тысяч.

Он говорит, ребята, я дома сидел. Он говорит, мы ничего не знаем от машины. Иди теперь доказывай машине, что ты не виноват.

И люди были в панике от того, что машины, с которой они не могут общаться, а машина не отвечает, а человека там нет. Дозвониться кого-нибудь нельзя и доказать что-то нельзя. Кто же такой человек вот в этом машинированном царстве?

[Говорящий 5]

То есть на практическом уровне мы получили подтверждение тому, что человек не является ценностью. Это сегодня очень очевидно.

[Говорящий 2]

Человек является лишь приложением к социальным системам и социальному контролю.

[Говорящий 1]

Люди, которые попадают за дело или не за дело, по ошибке или просто по случайности попадают в механизм социального контроля, механизм социального наказания, они попадают просто внутрь машины, в которой нет никаких личных преследователей. Когда человека арестовывают, милиционеры ему говорят, полицейские ему говорят, да мы ничего не знаем, мы просто исполняем приказ, у нас к тебе нет никаких претензий, но вот ты должен сидеть в КПЗ. Надзирающие в КПЗ эти самые чины, они

говорят, а что, мы можем даже все сочувствовать, но ты должен сидеть, вот мы запираемся на ключ, вот тебе, так сказать, миска супа и вот тебе унитаз и все это, мы ничего не знаем, мы просто выполняем приказ, мы же служим, ты же должен нас понимать.

Следователь, который ведет дело, он тоже говорит, у меня ничего личного к вам нет, вы нарушили вот эти законы, важно, что вы их не знаете, кто-то их там написал, а мы должны выполнять. Также говорят и водители автозаков, которые перевозят заключенных в лагерь, а в лагере говорят, мы вообще не судьи, мы исполняем только приказы, наказания. Если нам сказали, что вы по такой статье, значит вы виноваты, если вас перевести в группу, значит такую группу мы переведем, будем.

Машина, машина, которую создал человек, машина, которая подавляет человека, которая из человека делает просто социальный винтик, социальное ничтожество. И сегодня совершенно очевидно, дети и подростки говорят нам, а где человек-то, где вы его видели, вы говорите о человеке, но эпоха романтизма давно прошла, эпоха модерна давно прошла, мы живем в время, когда нет человека, есть социальные функции, есть социальные общения, мы все привязаны к нему. Поэтому если вы хотите получать какие-то ценности, свои удовольствия, свою семью, свой дом, своих детей, выполняйте все, что социум вам говорит и сидите в своей ячейке домашней, но это тоже не ценность, это просто ваш кусок хлеба и все.

А в остальном вы живете в социальном обществе, в социализированном, в максимальном социалистическом обществе.

[Говорящий 4]

По сути дела это и есть фашизм в вашем месте.

[Говорящий 1]

И возникает вопрос и к священнику, и к психологу, и к философу, и к богослову. Так кто же человек? Главная наша духовная задача сегодня, всех христиан как минимум, а на самом деле всех людей, выбраться из-под пепла и под завала и сохранить в себе человечность.

[Говорящий 3]

Главная духовная задача — сохранить в себе человека, человека как ведущую ценность жизни каждого из нас, ведущую ценность. Мы с вами главное в этом мире.

[Говорящий 2]

Возвращаемся к Евангелию. Что говорит Господь в Нагорной проповеди?

[Говорящий 5]

Он говорит, вы свет мира, вы соль земли. Это никак не вяжется с современными взглядами.

[Говорящий 4]

Да, не модно, но мы свет мира. Кто же такие мы? Почему мы вдруг светимся?

[Говорящий 1]

Почему мы свет мира? Возвращаемся к истокам. Бог создал человека по образу и подобию своему.

То есть мы живем в образе Бога и в его подобии. Мы несем образ и подобие Божие в себе. В себе.

Не социум несет. Социум вообще фантом, его нет, есть люди. А мы, каждый из нас, каждый из нас, каждый любой больной, здоровый, старый или молодой, мужчина или женщина, мы все являемся образом и подобием Бога.

И вот это исток нашего человеколюбия и нашего жизнелюбия, жизнеустойчивости.

[Говорящий 5]

Человек настоящий – это Бог на земле.

[Говорящий 2]

Мы с вами Боги. Христос говорит в Евангелии. Разве не читали, что написано в псалтире?

Вы – Боги.

[Говорящий 1]

Да, мы, конечно, грешные люди, но мы продолжаем быть образом и подобием. Никто этого с нас, миссии этой роли, этого образа с нас не снимал. Наши обязанности быть богами никто с нас не снимал.

Господь не освободил нас от этой трудной фундаментальной роли. Никак не освободил. Наоборот, сказал, что я жду от вас, что вы будете как я.

Я жду от вас, что вы будете настоящими божьими детьми. Вы – свет мира. Вы – соль земли.

И если соль перестанет быть соленой, ее просто выбрасывают вон, переводя на сегодняшней язык. Если мы сегодня перестаем быть людьми, то есть по образу и подобию, то есть богами. Если мы сегодня богами быть не хотим, то тогда нас превращают в социальные винтики, в социальный концлагерь, можно сказать, в реальный концлагерь.

[Говорящий 4]

И мы становимся просто-напросто хомосапиенсы и больше ничего. Не образы подобия, а хомосапиенсы.

[Говорящий 1]

Итак, наша задача в себе все время удерживать. А ведь мы не теряли никогда это нить, мы христиане, мы не теряли. Ведь Евангелие, постоянно читаемое в церкви, постоянно, из года в год, из месяца в месяц.

Мы ведь Нагорную проповедь поем каждый день, блаженный нищий духом. Это же ведь блаженный, так называемый. Это ведь начало Нагорной проповеди.

Это первый стих пятой главы от Матфея. Это все Нагорная проповедь, центральная часть евангельского благовестия Христа. В ней все, в этой Нагорной проповеди.

Не отменялось, никто же из христиан не говорит, что Нагорная проповедь больше для нас ничто.

[Говорящий 2]

А именно Нагорная проповедь говорит, вы свет миру, вы соль земли.

[Говорящий 1]

Мы должны светить, не прахом быть, не хомо сапиенсом быть, а светить миру. Мы свет миру, мы боги на земле. Наша задача светить, наша задача просвещать, наша задача придавать всему смысл человеческий, а стало быть божественным, потому что мы его образу подобим.

[Говорящий 2]

Человек настоящий, это человек, который берет на себя миссию света. Берет, ему никто не навязывает, он берет.

[Говорящий 1]

И если человек верует, то он берет на себя эту миссию. Да, это требует зрелости и взрослости. Да, это требует идти наперекор социуму, наперекор трудностям, наперекор войне, наперекор цифровому и идеологическому давлению и агрессии.

Да, наперекор, а не по течению. Но мы свет мира и самая главная наша задача помнить всегда об этом. Вторая задача светить, если можем.

Кто не может светить, то по крайней мере оставаться в этом высочайшем человеческом звании. Сегодня, как никогда, мы просто-напросто обязаны, призваны сохранять в себе вот это возвышенное человеческое достоинство. Оно основано на Библии, оно основано на Евангелии.

Ничего лишнего.

[Говорящий 2]

Творение человека и Нагорную проповедь. Вы свет мира. Возлюбите врагов ваших.

Возлюбите Господа Бога и друг друга, как себя самих вы любите, так возлюбите ближнего своего.

[Говорящий 3]

Вот основа человеческого бытия.

[Говорящий 1]

И это не потому, что Бог нам дает рабам своим некоторые повеления. Нет. Он говорит, вы мои образы подобия, светите миру, любите.

Если вы образы подобия, значит, вы, во-первых, любите, во-вторых, светите. Вы соль, вы основа, вы стержень. Соль земли, это означает центральное звено.

Это то, что придает всему человечеству смысл. То есть вот вкус, пищевая вот эта аналогия. Соль придает вкус любому блюду.

Так вот, если в человечестве вы, христиане, не богоподобны, то тогда вокруг вас окружающая область не теряет вкус. Она перестает быть человечеством. Человечество – это блюдо, которое приготовлено Богом.

Оно приготовлено именно как растворенное в божественном смысле.

[Говорящий 5]

А без него оно всего лишь хомосапиис.

[Говорящий 1]

Итак, главная задача наша с вами, христианская задача и человеческая задача – это не только тех, кто верует во Христа, но и люди, которые чувствуют в своей душе вот этот призыв быть человеком, бытийствовать как человек, как личность. Это для них тоже задача. Удержать человеческое.

Многие на миссию не способны. Святить и утверждать не способны. Но есть другие задачи, может быть попроще.

Оставаться в своем христианском достоинстве и напоминать себе – я человек, я образ и подобие, я свет миру. Но даже если этого человек не может себе, он может по крайней мере не участвовать в делах тьмы, то есть в делах античеловечности. Что такое античеловечность?

Это все, что лишает человека его жизни, его живой души, его личности, его индивидуальности, его смысла, его ответственности. Подчеркну я – ответственности. Ведь сегодня по поводу ответственности есть очень много мифов.

Мы ничего не можем и ни за что не отвечаем. Нет, мы отвечаем и многое можем. Ведь на страшном суде, в который мы с вами, христиане, веруем, мы ведь каждый будем отвечать наедине.

Там нет социализма в Царстве Небесном. Там нет коллектива. Там ничего нет обобществленного.

Ни страны, ни державы, ни города, ни сообщества там не работают. Там каждый человек предстанет на свой личный суд, персонафицированный суд. Каждый ответит за свое личное.

И оправдание типа того, что от меня ничего не зависело, и это не я, а я жил как все, не будет работать. Не думайте, что на суде можно спрятаться от суда Божьего за спинами каких-то лидеров или каких-то приказов, или каких-то идеологических схем. Ничего этого не будет, ни за какими спинами вы не спрячетесь.

Вы даже не сможете коллективно отвечать, даже группы людей. Вот мы, господа, у нас была общая единая цель.

[Говорящий 3]

Нет, нет, каждый ответит сам, сам перед Богом. Да, я знаю, многие люди в это не верят, не верят в суд. Что я могу сказать?

[Говорящий 2]

Там увидим, встретимся там и разберемся.

[Говорящий 1]

Блаженны те, которые в это веруют и пытаются что-то сделать, но несчастны те, которые в это не веруют и думают, что у них это, их это минует. Очень жаль. Итак, возвращаемся.

И если мы говорим о человеке настоящем, то это человек божественный. Человек настоящий – это образ и подобие, человек – это свет миру, человек – это соль земли. Вот кто такой человек настоящий.

И я думаю, что это главный итог всему нашему двухтысячелетнего христианского царства. А если говорить об итогах тысячелетия, то главным образом, конечно же, человек есть личность. Это и есть преломление того христианского учения, что человек есть образ и подобие Божьего.

Равно сказать «человек есть образ и подобие Божия» и «человек есть личность», потому что Бог есть личность, и человек есть личность.

[Говорящий 4]

Других, более высоких ценностей во всем космосе не существует. Я и Бог, Бог и я.

[Говорящий 2]

Так может сказать про себя каждый. Все остальное вторично.

[Говорящий 1]

Вопросов, как я понимаю, сегодня не так много, и тем не менее я постараюсь ответить. Вопрос по поводу страхов – это мы будем говорить в другой раз. Мы будем говорить на группах самопомощи, мы будем говорить и на других семинарах, потому что это практический вопрос – как работать со страхами, как преодолеть страшные мысли, панику и так далее.

У нас будут и семинары, и группа самопомощи, которая начнет работать буквально через полторы недели. Я приглашаю всех туда, кто сегодня слушает меня или будет слушать в записи. Вопрос Марии.

Как получилось, что при интенсивном техническом и интеллектуальном развитии человека в последние столетия нельзя сказать, что нравственное развитие шло такими же темпами? Совершенно верно. Есть такой механизм.

Когда человек открывает для себя какую-то новую реальность, у него возникает иллюзия, что эта реальность освобождает его от его прежних ответственностей. Что дала нам технология и техника? Прежде всего, она дала ощущение человеческого могущества.

Если, скажем, в Средневековье понимала человеческое могущество прежде всего как могущество его духа, его молитвы, его мистики, если хотите. В Средневековье ведь век магизма и мистицизма. И могущество человека понималось именно в таком ракурсе.

Маг и мистик, священник и колдун – вот главные лица Средневековья. А в современном веке, 19-20-м, главный маг – это ученый. Тут масса есть мифов.

Это ученый или техник, который может придумать высочайший инженер. Я вырос, например, в детстве на романах Ефремова «Гиперболит инженера Гарина». Меня в детстве напугал ужасно.

Я безумно боялся этого страшного фильма. И для меня человек, который может придумать такое смертоносное оружие и инструмент, был для меня олицетворением ужаса, дьявола. Развитие техники, технологий, науки привело именно к человеку, который стал ощущать себя всемогущим.

Люди, которые разрабатывали ядерное оружие, а это сотни людей, даже тысячи людей. Потому что если в романе Ефремова гиперболит разрабатывает один человек, то в XX веке ничего. Один человек в таких масштабах не делал.

И все ядерные бомбы, которые разрабатывались на Земле, и ракеты, они создавались коллектив. То есть достижения одного ученого уже больше не могут создавать подобные сложные технические системы. Ядерное оружие – это очень сложная техническая система, которая создавалась коллективами.

И тем не менее люди, которые создавали ядерное оружие и продолжают его разрабатывать, у них есть особое состояние. Они чувствуют себя элитой мира. Это им внушало и правительство, это им внушало и

начальство, которое конкретно их заставляло работать и разрабатывать для себя оружие.

Я это очень хорошо знаю, потому что в конце 80-х годов мне довелось познакомиться с несколькими физиками-ядерщиками, которые работали тогда еще в секретном центре Сарова. Саровский монастырь был превращен в город Саров, где разрабатывалось водородное оружие, и это до сих пор является моногородом секретным, его ядерным. Ну, теперь это не секрет, но работы продолжаются.

Вообще, сарказм страшный. Советская власть устраивает в обители преподобного Серафима.

[Говорящий 2]

Обитель дьявола, то есть центр разработки оружия, который может сразу уничтожить сотни тысяч людей.

[Говорящий 4]

Преподобный Серафим с его пасхальной радостью и ядерное оружие, которое уничтожит сразу сотни тысяч людей. Представляете, как надо так придумать? Чтобы так извратить, перевернуть, соединить несоединимое преподобного Серафима и смертоносное оружие миллиона.

[Говорящий 1]

Так вот, знакомство с этими людьми открыла для меня очень важную вещь. Для меня, что люди, которые там обитали, это люди, которые о себе думали как о повелителе миров политики. Они действительно думали, что разрабатывают оружие, которым они будут командовать державами.

Пример Сахарова, он очень характерный. Ведь Сахаров работал как раз над водородной бомбой, работал в ядерной физике, именно разрабатывая оружие. И его потенциал научный был настолько велик, он действительно вкладывал в эту всю душу.

Это было его призвание. Но когда он осознал, что его могущество, научное могущество служит уничтожению миллионов, он от этого дела отрёкся и стал борцом за мир. И это настоящий духовный подвиг.

То есть он отказался от системы дьявольской и перешёл служить системе божественной. То есть служению человеку. Да, у него были свои взгляды на мир, на политику, на социум.

Это другой разговор. Он был человеком необыкновенно талантливым и мужественным. Но то, что с ним произошло, вот этот перелом, он как раз и показывает ту коллизию человеческой веры в себя и что делает с людьми всемогущество над другими людьми.

То есть вот эта разработка технологических открытий подавала ему возможность впасть в иллюзию всемогущества над другими людьми. Человек, обладающий информацией, человек, обладающий секретами, человек, обладающий страшными инструментами, которые могут уничтожить миллионы, мнит себя царем мира, мнит себя повелителем сердец и жизни людей. Дьявольское.

По истине дьявольское искушение. И это, конечно же, смертный грех. Мнить себя повелителем людей.

Даже малой горстки. То есть это и есть, собственно говоря, антихристианство. Это антихрист.

Антихрист – это человек. Антихрист – это не дьявол. Это человек по учению христианской церкви.

Антихрист – это человек, который придет в мир для того, чтобы поработить всех людей дьяволом. Сделать их слугами дьявола. Отнять их у Бога.

Наша с вами христианская задача, наоборот, помнить, что мы божьи. Устоять вот в этом внутреннем свете и этот свет передавать другим.

[Говорящий 2]
Чем вызвана разница?

[Говорящий 1]
Я надеюсь, Мария, что я ответил на этот вопрос. Чем вызвана разница? Именно технология позволяла человеку ощутить свое всемогущество.

В том числе, кстати говоря, мы не говорили сегодня про развитие медицины. Медицина – это очень антропоцентрическая сфера. Это не наука.

Медицина – это не наука. Медицина – это сфера практики, которая позволяет исцелять людей от болезни и даже от смерти спасать. И для человечества XX века медицина стала буквальным смыслом идиологом.

Люди и сегодняшний день, конечно. Люди готовы платить безумные деньги для того, чтобы только не заболеть и не умереть. Это разумно, понятно.

Это разумно, но страх перед болезнью, перед смертью настолько одолевает человека, что медицина становится идолом, и ей поклоняются. И, конечно же, вот эта иллюзия, что мы с помощью медицины действительно продлеваем свою жизнь, это правда факт, это так. И что мы можем с помощью лекарств победить все болезни, оно вплоть до 2020 года было всемирной иллюзией.

Пандемия коронавируса эту иллюзию разрушила. Оказалось, что человечество ничего не может сделать с вирусом, который убивает миллионы людей на всем мире.

[Говорящий 4]

Уже погибло миллионы людей на всем мире.

[Говорящий 1]

Понимаете, что это значит? Что и медицина бессильна. Медицина даже не может объяснить, что делает вирус, как он живет.

Он хорошо исследован под микроскопом, но как он живет в теле человека людям до сих пор не понятно до конца. Да, понятно, что он делает, но понятно, как он это делает. Мы знаем, как вирус прилепляется к клетке живого тела, но мы не понимаем, как он распространяется в теле и почему у одних людей он вызывает смертельные болезни, а у других не вызывает ничего.

То есть мы убеждаем сегодня, что медицина нас от смерти и от страшных болезней не защитила. Причем по всему миру. Так вот эта иллюзия тоже рухнула, что медицина всеильна.

Есть другая точка зрения. Шведерное оружие – это оружие сдерживания. Не оружие войны.

Не случайно так получилось, что оружие сдерживания разрабатывалось именно в таком намольном, величественно святом месте. Как бы вы ни назвали, Алексей, оружение сдерживание или чего-нибудь, но применение этого оружия – это одновременное уничтожение сотен тысяч людей. И испытание этого оружия – это уже была трагедия человечества.

Вы же знаете, Алексей, знаменитое испытание на Челябинском полигоне и других полигонах Казахстана и Сибири. Сколько там погибло людей. Трагедия Хиросимы и Нагасаки никто не забывает.

Это было сдерживание Хиросимы и Нагасаки. Америка сбросила бомбы на Японию, чтобы сдержать Сталина, его агрессию. Погибли сотни тысяч людей.

Это сдерживание? Нет, это трагедия. И любое применение, которое стало сегодня очень близко к нам, это будет уничтожение людей.

Это не орудие сдерживание.

[Говорящий 3]

Сдерживать, убив тысячи невозможно. Это уже не сдерживание, это уничтожение.

[Говорящий 1]

То есть получается так. Давайте сбросим бомбу на какой-нибудь один объект, уничтожим, и вместе с ним уничтожим человеческие жизни. Ну, что делать?

Пожертвуем. Ради того, чтобы достичь каких-то своих военных или политических целей. Понятно, что никаких социально-гуманистических целей здесь достичь нельзя.

А можно достичь только военных и политических целей. Так вот, в жертву приносятся люди, как Америка принесла в жертву Хиросимы, целиком города, они были полностью уничтожены. Давайте сожжем два города, чтобы враг понял.

То есть это такая педагогика. Давайте пожертвуем вот этими тысячами, чтобы другие одумались. То есть суть оружия сдерживания, идея сдерживания заключается в чем?

Мы жертвуем людьми ради чего? Ради людей.

[Говорящий 3]

Алексей, не кажется вам, что это ложь? Это ложная идея. Что это на самом деле?

[Говорящий 5]

Дьяволозадонка. Дьяволозадонка.

[Говорящий 1]

Ну что же, если больше вопросов нет, или желающих вступить в дискуссию, пожалуйста. Да, Алексей тут еще написал. Простите, сейчас я прочитаю.

Точка зрения лично мне ближе. Там в Сырове те же разработчики, многие верующие стали. Они разработали этерний чип.

Понимаете, это метафора плохая. Ядерный щит – это не щит. Потому что щит – это то, что защищает от ядерного удара.

Такого щита не существует. Значит, ядерная война, даже если она будет заключаться в однократном, одноразовом применении ядерного оружия, это всегда будет война ответная. То есть ядерное оружие будет применено симметрично, сразу.

Грубо говоря, Советский Союз и Америка. То есть одновременно.

[Говорящий 2]

Если это оружие никого не защитит от ядерного оружия противника, неважно, кто этот противник.

[Говорящий 1]

Две страны, враждующие друг против друга с ядерным потенциалом, уничтожат как минимум по одному городу друг у друга, по сотням тысяч. Меньше это уже невозможно.

[Говорящий 2]

Наша страна так не поступала.

[Говорящий 1]

Нет, не поступала, слава богу. Да, Алексей, я надеюсь, не поступит. Но угрожать такими поступками уже угрожало и не раз.

Начиная с Хрущева. Вспомните Карибский кризис. И это продолжалось и другие годы, и другие политики угрожали.

Так что все очень близко. Так что щит щитом, а оружие – это оружие нападения. Вот противоракетное оборудование, противоракетная защита – вот это щит, это я понимаю, да.

Именно те ракеты, которые против ракет. Вот это я понимаю, это щит. Спутниковая или космическая гонка, или еще чего-нибудь, да, я понимаю, они могут поражать баллистические ракеты с ядерными боеголовками.

Это защита. А ракеты, которые несут ядерный заряд в чужую страну, это не защита, это нападение. Тут, собственно говоря, нет никакой иллюзии.

Это является оружием психологического сдерживания прежде всего. Если бы его не было, то Сусна бы по нам долбанул. Понимаете, вот ради этого есть ли бы сейчас угроза миру.

То есть атомным оружием угрожают многие страны друг к другу. Иран, например, угрожает Израилю. Собирается разработать ядерную ракету и угрожает.

Хотя есть страны, которые уже имеют ядерное оружие. И Пакистан, и Индия тоже имеют ядерное оружие. Северная Корея, например, угрожает Америке ядерным оружием тоже.

Вот оружие сдерживания у Кореи, а у Пакистана это сдерживание. Ну, Пакистан с Индией там в основном конфликт главный. Они друг другу угрожают.

Израиль угрожает Пакистану, Пакистан – Израилю. Это сдерживание. Понимаете, мне кажется, это дьявольская уловка.

То есть смотрите, вы наточили нож и держите его у горла так называемого врага.

[Говорящий 5]

И говорите, я тебя сдерживаю. Так можно жить, Алексей. Это не жизнь.

[Говорящий 2]

Это смертельная схватка. В этой смертельной схватке долго не продержится ни тот, ни другой.

[Говорящий 5]

Это смерть. Это на поживу дьявол. Это дьявол радуется.

[Говорящий 1]

Вы, пожалуйста, возражаете, возьмите микрофон и скажите, что я не прав. У вас есть свое мнение, пожалуйста.

[Говорящий 4]

Но я хочу вернуться к заключению, хочу вернуться к основному постулату сегодняшней нашей программы. А именно человек – это сын Божий, образ Божий и подобное. И главное, быть человеком, то есть быть поком.

Вы – свет миру и вы – соль земли. Вы – люди.

[Говорящий 5]

Не ракеты, не государство, не державы, не союзы, не оружие, а человек. Спасибо.

[Говорящий 1]

И до следующей встречи у нас, конечно же, будет меняться наша тематика, в отличие от объявленного расписания, в зависимости от ваших пожеланий, в зависимости от происходящего с нами, со всеми. И на следующую неделю мы планируем заявить такую тему, которая будет связана со свободой выбора. Насколько человек свободен выбирать, насколько не свободен, что зависит от человека и какие последствия выбора каждого человека могут быть, а какие от него действительно не зависят.

Тема актуальная в связи с теми проблемами, которые сегодня существуют для нас с вами. Спасибо и до встречи.